

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Первая секция

Дело Нолан и К. против России

(Заявление № 2512/04)

Решение

Страсбург

12 февраля 2009 г.

Настоящее решение станет окончательным в обстоятельствах, предусмотренных статьей 44 § 2 Конвенции. Оно может подлежать редактированию.

В деле Нолан и К. против России,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, состоящей из:

Кристоса Розакиса, *Президента*,
Нины Вайич,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Стайнер,
Ханлара Хаджиева,
Дина Шпильманна,
Сверрэ Эрика Эвенса, *судей*,
и Сёрена Нильсена, *Секретаря секции*,

Заседая закрыто 22 января 2009, в тот же день принимает следующее решение:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато из заявления (но. 2512/04) против Российской Федерации, поданной в Суд согласно ст. 34 Конвенции о защите прав и свобод человека (“Конвенции”) двумя гражданами Соединённых Штатов Америки, г-на Патрика Нолана (“Заявителя”) и К. (“сына Заявителя”), 18 декабря 2003 г.

2. Заявитель был представлен г-жой Г. Крыловой и г-ном Д. Холинер, практикующими адвокатами в Москве и Лондоне соответственно. Российское правительство (Правительство) было представлено г-ном Лаптевым, бывшим представителем Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Решением от 30 ноября 2006 г. Суд объявил заявление частично приемлемой.

4. Заявитель и Правительство подали свои письменные комментарии по существу дела (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ**I. Обстоятельства дела**

5. Г-н Нолан и К. были рождены в 1967 г. и в 2001 г. соответственно и проживали в г. Тбилиси, Грузии. Г-н Нолан является отцом и единственным опекуном К.

6. С 1988 г. Заявитель являлся членом Церкви Объединения («Церкви»), духовного движения, основанного в 1954 г. г-ном Сан Мён Муном.

А. Правовой статус Церкви Объединения в России

7. 21 мая 1991 г. Церковь Объединения была официально зарегистрирована в качестве религиозной ассоциации в Российской социалистической федеративной советской республике.

8. 29 декабря 2000 г. Министерство юстиции Российской Федерации предоставило государственную перерегистрацию Церкви Объединения на федеральном уровне в качестве централизованной религиозной организации. Это было сделано на основе заключения Экспертного совета «О проведении государственных экспертных экзаменов по религиозным дисциплинам», которое, *inter alia*, содержало следующее:

“В Российской Федерации ни Церковь Объединения, ни её лидеры никогда не привлекались к уголовной ответственности. Нарушений федерального законодательства в отношении свободы совести или религиозных объединений со стороны Церкви Объединения или её представительств не было установлено. Таким образом, (1) Церковь Объединения является религиозным некоммерческим объединением в значении части 6 § 1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»; и (2) не были раскрыты никакая-либо незаконная деятельность в её учениях или соответствующей практике».

В. Проживание Заявителя в РФ

9. В 1994 г. Церковь пригласила Заявителя предоставлять помощь в её деятельности в России. Министерство иностранных дел Российской Федерации предоставило Заявителю разрешение на проживание в России. Его разрешение в последствии продлевалось на ежегодной основе с помощью приглашений зарегистрированной религиозной организации Церкви Объединения в Москве и ассоциированной социальной организации в г. Санкт Петербурге «Федерация семьи за единство и мир во всем мире» (ФСЕМВМ).

10. Заявитель жил изначально в Ростове-на-Дону в южной части России, где работал с местными отделениями ФСЕМВМ и Молодёжной федерацией мира во всём мире. Он объясняет, что несмотря на то, что Церковь Объединения, ФСЕМВМ и МФМВМ как и другие объединения в России сохраняли юридическую независимость одна от другой, они сотрудничают друг с другом, поскольку преследуют общие цели. Согласно Заявителю, эти организации признавали своё происхождение из Движения Объединения, основанного преподобным Муном; однако их различные названия и правовые формы отражают особое направление их деятельности и тот факт, что социальные организации открыты для лиц с иными вероисповеданиями.

11. 21 мая 1999 г. ФСЕМВМ основало местную организацию в г. Ростове. Поскольку приглашающая организация была ответственна за

регистрацию разрешения на его проживание в милиции на время нахождения в РФ, то она соответственно организовывалась Ростовским ФСЕМВМ.

12. 10 января 2000 г. действующий Президент Российской Федерации внёс изменения Указом № 24, в «Концепцию Национальной безопасности Российской Федерации», принятую в 1997 г.. В соответствующий параграф части IV, «Обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации», были внесены следующие изменения:

«Обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации также включает в себя защиту её ... духовного и морального наследия... формирования государственной политики в сфере духовного и морального образования населения... и также включает в себя противостояние негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров...»

13. 25 июля 2000 г. Промышленный районный суд г. Ставрополя по жалобе прокурора Ставропольского края, постановил распустить ставропольское региональное отделение ФСЕМВМ, и запретить её деятельность «независимо от наличия государственной регистрации по причине того, что «она занималась религиозной деятельностью под прикрытием зарегистрированной социальной организации»». 25 октября 2000 Ставропольский областной суд отменил решение от 25 июля 2000 г.

14. 3 августа 2000 г. *Российская Газета* выпустила статью о деятельности Церкви Объединения в южной России, которая – согласно Заявителю – в общих чертах описывала основания, впоследствии выдвигаемые Федеральной службой безопасности в поддержку его выдворения. Она называлась: «"Гуцулочки" от Муна до маразма доведут»:

“Генеральная прокуратура Ставропольской области запретила деятельность социальных организаций, под защитой которых – кореец Мун .... покупал души по \$500 за каждую.

Изначально две общественные организации были зарегистрированы в Ставропольском отделе юстиции: Молодёжная федерация за мир во всем мире (МФМВМ) и Федерация семьи за единство и мир во всём мире (ФСЕМВМ). Как оказалось, эти так называемые общественные движения исповедуют одну из самых опасных религий за последнее столетие...

На первый взгляд безобидные 'коробейники', продающие или раздающие газету «Для Новой семьи» и дешёвые карамели зазывают молодых мужчин и женщин в семью Муна... Молодые миссионеры, которым спокойно позволяет читать лекции старшеклассникам ставропольских школ, представляются как волонтеры Международного образовательного фонда (МОФ), являющегося одним из множества «приходов» Муна....

Самопровозглашённые лекторы не имеют никаких документов, позволяющих им разговаривать со студентами. Для «подслащения» лекций они раздают карамели. Позже, ряд экспертов из Ставропольской клиники для пограничных

состояний дали негативную оценку карамелькам «Гуцулка», которые мунисты раздавали детям и взрослым. Как оказалось, на первый взгляд безобидная карамель уничтожает энергетически-информационную базу человека. Проще говоря, такие карамельки с незаметными наполнителями – в некоторых из них видны маленькие дырочки – помогают превращению неофитов в зомби.

Содержимое лекций мунистов оставляют сильное послевкусие умственной отсталости. Достаточно прочесть раздаточные материалы (подготовленные) МОФ – выдержка лекций по «Подготовке к безопасному браку». Цитата: «Гениталии принадлежат супругу, и они только служат своей цели в брачных отношениях.... До брака Вы храните собственные гениталии для своего будущего супруга...»

Через некоторое время ... (определённый молодой человек) был представлен главе мунистов в Северном Кавказе, - Патрик Нолан. Новоприбывшим его представили как американского преподавателя, который периодически приезжал к ним в Ростов-на-Дону...

В России, многочисленные объединения принадлежат движению мунистов – преподаватели, женщины и даже сотрудники СМИ, включая культурологические фонды и вышеупомянутые МФМВМ и ФСЕМВМ. Все эти социальные объединения являются прихожанами Церкви Объединения. В то же время, по крайней мере, 3 года назад (Верхняя палата Российского парламента) объявила Церковь Объединения тоталитарной сектой и разрушительным культом...

Наконец-то прокуратура и ФСБ в Ставропольской области стали заниматься мунистами. Областной прокурор подал жалобу ... о роспуске МФМВМ и запрете её деятельности. То же самое касается и ФСЕМВМ...

Один вопрос остаётся открытым: почему такой удачливый бизнесмен как преподаватель Мун тратится на россиян? Существует несколько теорий. Не так давно у одного муниста были конфискованы контактные данные. Среди них – адрес американца, Патрика Nolana, который живёт в Ростове, и два e-mail адреса ЦРУ. Почему мы не должны представить, что целью Муна является захватить нашу Родину в шпионскую сеть, состоящую из миллионов агентов – преподавателей, учёных, инженеров, студентов и рабочих...?»

15. 26 июня 2001 г. вид на жительство Заявителя в России был продлён ещё на год МИДом на основе приглашения от ФСЕМВМ. Как и раньше, Заявитель зарегистрировал свое проживание по приезду в Ростов, через ростовское отделение ФСЕМВМ.

16. 12 июля 2001 г. родился сын Заявителя, К.. 2 октября 2001 г. Заявитель и его жена развелись; жена Заявителя вернулась в США, и Заявитель остался единственным опекуном ребёнка.

17. 31 августа 2001 г. Кировский районный суд в Ростове-на-Дону, по жалобе Ростовского управления министерства юстиции, решил аннулировать ФСЕМВМ по причине того, что последняя не уведомила властей о продолжении своей деятельности более трёх лет подряд. Согласно Заявителю, к тому времени ростовская ФСЕМВМ была учреждена только 2 года и три месяца тому назад, и только восемь месяцев как получила новое регистрационное свидетельство, выданное Управлением министерства юстиции в Ростове-на-Дону после

прохождения перерегистрации. Согласно решению, Ростовская ФСЕМВМ была создана 21 мая 1998 г. или 21 мая 1999 г., поскольку обе даты упоминаются в качестве даты создания. Слушания проводились в отсутствие обеих сторон и ФСЕМВМ узнала о решении после того, как оно вступило в законную силу 17 сентября 2001 г., без права на дальнейшее обжалование.

18. 10 октября 2001 г. ростовская полиция задержала Заявителя и потребовала у него паспорт. Они добавили штамп о том, что его регистрация «закончилась» и уведомили, что Ростовская ФСЕМВМ была распущена решением суда.

19. После этого Заявитель получал регистрацию в милиции через другие представительства ФСЕМВМ, сначала в Новороссийске, а потом в Краснодаре. Его регистрация в Краснодаре была действительна в течение целого периода разрешения на временное проживание по его текущей визе, до 19 июня 2002 г.

С. Исключение Заявителя с территории России

1. Отказ в новом въезде в Россию

20. 19 мая 2002 г. Заявитель поехал на Кипр. Его сын остался в России со своей няней.

21. В 23 часа 2 июня 2002 г. Заявитель прибыл в аэропорт Шереметьево-1 в Москве рейсом из Кипра. Когда он приблизился к кабинке 2 офицера – мужчина и женщина – осмотрели его паспорт и вкладку о визе. Мужчина ушёл с его документами, а женщина попросила подождать.

22. Около 0.30 утра 3 июня 2002 г. Заявителю разрешили пересечь границу и получить свой багаж. Сотрудники пограничной службы провели тщательный обыск его имущества. Потом его опять отправили на паспортный контроль и обратно через двери для входа пассажиров с предангарной площадки в автобус, который доставил его в зал для транзитных пассажиров.

23. После прибытия в транзитный зал, власти направили в маленькую комнату, примыкающую к их служебному помещению, со столом и диваном, но без телефона, вентиляции и окон. Когда он вошёл в комнату, служащие заперли его снаружи. Сначала Заявитель подумал, что это будет длиться только несколько минут, но после получаса он понял, что его держат в импровизированном месте задержания. Тогда он начал стучать в дверь, прося, чтобы его выпустили. Женщина-офицер ответила через дверь, что его не выпустят до утра, и что он должен успокоиться и лечь спать. 10 минутами спустя пришёл мужчина-офицер с визой Заявителя, прикрепленной к одностороннему документу. Он сказал Заявителю,

что его виза была аннулирована, и попросил Заявителя подписать документ. Заявитель сделал то, что его попросили, хотя и не смог прочесть документ, написанный от руки по-русски.

24. В 8.30 утра, после стука в дверь и крика в течение 20 минут, Заявителю разрешили под охраной пойти в туалет.

25. В 10 утра мужчина в гражданской одежде вошёл в комнату и представился как начальник офицера пограничного контроля. Заявитель объяснил, что ему не разрешили пересечь границу РФ и что пограничные власти не принимали решение, а только выполняли указ. Мужчина ответил, что не знает причину решения и информацию об источнике решения. Мужчина извинился за то, что Заявителя на ночь поместили в закрытую комнату, и отметил, что «ночная смена вела себя не слишком умно».

26. Заявитель купил билет в Таллинн, Эстонию. Сотрудник Пограничной службы продолжил сопровождать Заявителя до тех пор, пока он не сел в самолёт в 11.30 утра, вернув его паспорт, но не визу, только перед тем как он сел в самолёт.

27. 26 июня 2002 г. Заявитель отправил заказные письма, через своих юридических представителей в Россию, в:

- Министерство иностранных дел;
- Федеральную службу безопасности (ФСБ) и её отделения в Краснодарском крае;
- Пограничную службу ФСБ, военную прокуратуру этой Службы и Московской службы пограничного контроля;
- Министерство внутренних дел и его паспортно-визовую службу в Краснодарском крае; и
- Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и Полномочному представителю Президента РФ Центральном федеральном округе.

28. В этих письмах Заявитель спрашивал, почему ему было отказано во въезде, и он был задержан, несмотря на то, что он не совершил каких-либо нарушений, и почему не составили и не предоставили ему процедурные документы. Он также жаловался на задержание в течение более 30 часов и это несмотря на то, что его одиннадцатимесячный сын остался в России без родителей. Более того, Заявитель просил помочь ему в воссоединении с сыном.

2. Попытка вернуться в Россию по новой визе

29. 4 июля 2002 г. Заявитель получил новое приглашение, выданное Министерством иностранных дел РФ. 5 июля 2002 г. он обратился в Консульство РФ в Таллинне для получения новой визы. В тот же день ему предоставили новую многоразовую визу, действительную до 3 июля 2003 г.

30. 7 июля 2002 г., пока он пересекал границу из Финляндии в Россию, Российские пограничники дважды поставили в его паспорт отметку «аннулировано» и отказали ему во въезде в Россию. Какое-либо объяснение предоставлено не было. Консульство в Таллинне перенаправило его в офис Министерства в Москве.

31. 12 апреля 2003 г. Заявителя воссоединился со своим сыном, которого его няня, гражданка Украины, привезла в Украину.

D. Процедуры в отношении жалоб Заявителя.

32. На множество жалоб Заявителя, поданных 26 июня 2002 г., последний не получил ответа. Ответы Московской службы пограничного контроля Пограничной службы от 9 июля и 22 августа 2002 г. указали, что ему отказали во въезде в Россию согласно разделу 27 § 1 Правил въезда на территорию РФ, во исполнение распоряжения другого (неназванного) органа государственной власти. Военная прокуратура ответила «что Заявителя не помещали под административное задержание, поэтому соответствующий документ составлен не был».

33. 8 августа 2002 г. Заявитель с помощью своего юридического представителя в г. Москве, обжаловал решение об отказе в возвращении в Российскую Федерацию в Химкинский городской суд Московской области. Жалоба была подана от его лица и лица его сына К. на действия Пограничной службы.

34. 29 августа 2002 г. на слушаниях, ответчики предоставили информацию о том, что действовали по указанию Федеральной службы безопасности (ФСБ). Суд присоединил ФСБ в качестве соответчика.

35. 5 сентября 2002 г. Ответчик ходатайствовал о том, чтобы дело было передано под юрисдикцию Московского областного суда, поскольку дела, касающиеся государственной тайны, могут рассматриваться только областными судами. Суд удовлетворил их ходатайство своим постановлением.

36. 25 марта 2003 г., после многочисленных заключений, слушание было проведено *in camera* в Московском областном суде. Заявитель и К. представлялись советником и сотрудником Церкви Объединения в России, оба они обязались не разглашать содержание судебных слушаний.

37. Московский областной суд отклонил жалобу. В вопросе о том, представляет ли Заявитель угрозу национальной безопасности, решение содержало следующее:

“Представитель первого заместителя главы Отдела защиты конституционного порядка и борьбы с терроризмом российского ФСБ... не принял обвинения Заявителя и предоставил письменные доказательства в защиту от жалобы. В

защиту своей позиции представитель отметил, что его клиент одобрил указ об отказе гражданину США, Патрику Фрэнсису Нолану, во въезде в Российскую Федерацию, подготовленный ставропольским областным ФСБ на основании материалов, полученных в результате следственных и обыскных действий. По мнению Российского ФСБ эксперты, участвующие в подготовке отчёта, утверждали, что деятельность (Заявителя) в стране носила разрушительный характер и представляла угрозу безопасности Российской Федерации. Представитель ... подчеркнул, что угроза национальной безопасности порождена деятельностью, а не религиозными убеждениями (Заявителя).”

38. Более нигде в девятистраничном решении Областной суд не указывает, что «деятельность» представляет угрозу национальной безопасности. Однако можно заключить из решения, что телефонные переговоры Заявителя прослушивались ФСБ согласно более раннему судебному решению.

39. Также выходит, что областной суд исследовал информационное письмо ФСБ от 29 мая 2000 г., которое называлось «Информация о деятельности представителей нетрадиционных религиозных ассоциаций на территории России», которое в частности содержало следующее:

“Представители таких иностранных сектантских общин как Свидетели Иеговы, Церковь Объединения Муна... под религиозным прикрытием создавали значительные правящие структуры, которые они использовали для сбора социально-политической, экономической, военной и иной информации о событиях в России, привлекали граждан и разжигали сепаратистские настроения. ... Миссионерские организации намеренно работали над выполнением целей, поставленных западными кругами для того, чтобы создать в России ситуацию и улучшить процедуру практической имплементации идеи смены «социально-психологического кода» населения, что автоматически приведёт к удалению из памяти людей тысячелетней истории Российского государства и поставит под сомнение такие концепции, как национальная самоидентификация, патриотизм, Родина и духовное наследие....».

40. Что касается ночного задержания Заявителя, представитель Московской службы пограничного контроля в суде отрицал, что Заявитель был «задержан» и объяснил, что Заявитель купил билет в Таллинн и просто ждал своего рейса, запланированного на следующий день. Несмотря на то, что Областной суд установил, что билет был действительно куплен утром 3 июня 2002 г., он постановил, что этот факт «не имел правового значения» и что Заявителя не лишали свободы.

41. Областной суд также отметил, что Российские власти не препятствовали Заявителю воссоединиться со своим сыном в любой другой стране, кроме России. Его обвинения во вмешательстве в семейную жизнь были признаны заведомо необоснованными.

42. Заявитель подал жалобу, в которой указал в качестве причин, *inter alia*, что Областной суд не исследовал правовые основания ФСБ для своих «заключений». Он ссылаясь на ст. 5, 8, 9 и 14 Конвенции.

43. 19 июня 2003 г. Верховный Суд Российской Федерации, заседав в составе трёх судей, отклонил жалобу. Он постановил, что не было нарушений конвенционных прав Заявителя. Решение базировалось на административной компетенции ФСБ и Пограничной Службы принимать решения в сфере национальной безопасности и пограничного контроля. Он не обозначил, какая именно деятельность Заявителя представляла угрозу национальной безопасности:

“Решение о том представляла ли деятельность гражданина (в отношении которого было вынесено решение о запрете въезда в Россию) угрозу национальной безопасности ... входит в компетенцию Российских властей ... данное право государства является одним из базовых элементов суверенитета. Таким образом, заключения областного суда о том, что жалоба Заявителя и его представителей в Российской Федерации о том, что ФСБ действовала *ultra vires* (*вне компетенции*) по данному делу является необоснованной.»

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО.

А. Положения относительно исключения иностранцев с российской территории

44. Компетентный орган, коим является Министерство иностранных дел или Федеральная служба безопасности, могут принять решение о том, что присутствие на российской территории определённого иностранного гражданина является нежелательным. Такое решение может приниматься в отношении иностранного гражданина, незаконно проживающего на территории России, или если его или её пребывание является законным, но создаёт реальную угрозу обороне или безопасности государства, а также общественному порядку или здоровью, и т.д. Если такое решение было принято, то иностранный гражданин должен покинуть Россию или иначе будет выдворен. Решение также формирует правовую основу для последующего отказа в дальнейшем въезде в Россию (пункт 25.10 Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в редакции Федерального закона Российской Федерации от 10 января 2003 года № 7-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

45. Иностранному гражданину может быть отказано во въезде в Россию при необходимости по причинам обеспечения оборонной способности или безопасности государства, а также защиты общественного порядка и здоровья (часть 27 § 1 Закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

46. Инструкция о проверке документов лиц, пересекающих границу Российской Федерации, утвержденная Указом № 0234 Федеральной пограничной службы от 4 августа 2000 г. о пересечении государственной границы, не была опубликована или общественно доступна. Заявитель утверждает, что она содержит соответствующие положения, аутентичность которых не оспаривалась правительством:

“...при обнаружении (лиц, чей въезд в Россию запрещён), сотрудники пограничного контроля должны уведомить их о причинах отказа во въезде на территорию, сопроводить их в изолированное помещение и заключить их под стражу, а также принять меры для депортации таких лиц с территории Российской Федерации».

В. Положения об ответственности государства за причинённый ущерб

47. Государственное казначейство ответственно – независимо от вины государственных властей – за ущерб, причинённый физическому лицу, в частности, незаконным уголовным преследованием или незаконным применением превентивных мер в виде заключения под стражу (Ст. 1070 § 1 Гражданского кодекса). Суд может признать совершивших правонарушение ответственными за моральный вред, причинённый физическому лицу действиями, наносящими вред его или её личным неимущественным правам, таким как право на личную целостность и право на свободу перемещения (Ст. 150 и 151 Гражданского Кодекса). Моральный вред должен быть компенсирован, вне зависимости от вины причинителя вреда, в частности за его незаконное осуждение или незаконное привлечение к уголовной ответственности, а также незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу (ст. 1100 § 2).

III. Соответствующие *TRAVAUX PRÉPARATOIRES*

48. Объяснительный отчёт к Протоколу № 7 (ETS No. 117) определяет сферу применения ст. 1 Протокола № 7 следующим образом:

“9. Слово 'резидент' использовано для исключения применения статьи любого иностранца, прибывшего в порт или другой пункт въезда, но не прошедшего иммиграционный контроль или допущенного на территорию только для транзита или на ограниченный срок по причине, не связанной с проживанием...

Термин «законно» относится к национальному законодательству соответствующего государства. Таким образом, национальное право должно определить условия, которые необходимо выполнить для того, чтобы пребывание лица на территории считалось «правомерным».

... Иностранец (иностранка), чей допуск и пребывание зависели от определённых условий, например, на определённый период времени, а также более не соответствует этим условиям, не может считаться «законно» пребывающим на территории».

49. Отчёт далее даёт определения понятия «правомерное пребывание», содержащееся в других международных инструментах:

Ст. 11 Европейской конвенции о социальной и медицинской помощи (1953)

“а. Пребывание иностранца на территории любой из Сторон Конвенции должно считаться правомерным в значении этой Конвенции, пока является действительным разрешение или иной разрешающий документ, необходимый по законодательству соответствующей страны для проживания в ней...
б. Правомерное проживание станет неправомерным с момента принятия указа о депортации в отношении данного лица, если не предоставлено право на пребывание».

Часть II Протокола Европейской конвенции о местопребывании (1955)

“а. Правила, касающиеся въезда, пребывания и перемещения иностранцев, а также их право на приносящую прибыль деятельность не должно испытывать воздействие этой Конвенции, поскольку они не соответствуют ей;

б. Граждане Сторон Протокола должны считаться правомерно проживающими на территории другого государства, если они исполняют соответствующие правила».

50. Отчёт даёт соответствующее определение термину “выдворение”:

“10. Концепция выдворения используется в общем смысле, касающемся любых мер, принуждающих отъезд иностранца с территории, но не включает экстрадицию. Выдворение в данном смысле является автономной концепцией, независимой от какого-либо определения, содержащегося в национальном законодательстве. Тем не менее, по причинам, указанным в параграфе 9, оно не может применяться к понятию высылки (*refoulement*) иностранцев, въехавших на территорию незаконно, если впоследствии их положение не было легализовано.

11. Часть 1 этой статьи гласит, что соответствующее лицо может быть выдворено только «в соответствии с решением, принятым на основании права». Исключений из этого правила быть не может. Однако, под «правом» подразумевается национальное законодательство соответствующего государства. Это решение должно быть принято компетентным органом в соответствии с положениями законодательства и процедурных правил

ПРАВО

I. ИСПОЛНЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СТ. 38 КОНВЕНЦИИ

51. Суд свидетельствует, что 1 марта 2005 г., при доведении до ведома правительства жалобы, он просил его предоставить копию отчёта Федеральной службы безопасности от 18 февраля 2002 г., по

причине выяснения фактических обстоятельств высылки заявителя из России. Несмотря на деликатную природу отчёта, он напомнил правительству о возможности ограничения общественного доступа к документу в соответствии с Правилom 33 §§ 1 и 2 Правил Суда. Правительство отказалось предоставлять отчёт по причине того, что российское законодательство не определило процедуру предоставления информации, признанной государственной тайной, международной организации.

52. На уровне определения приемлемости жалобы Суд подчеркнул просьбу о предоставлении копии отчёта от 18 февраля 2002 г., а также поставил вопросы сторонам относительно исполнения их обязательств по ст. 38 Конвенции, соответствующая часть которой содержит следующее:

Статья 38

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия...»

53. В своих заявлениях по сути дела, Правительство ещё раз отказалось предоставить отчёт, свидетельствуя о том, что он содержит оперативную и розыскную информацию о «неправомерной деятельности П.Ф. Нолана на территории Российской Федерации». Информация является государственной тайной, в связи с чем, не может быть предоставлена Суду. Правительство заявило, что данный отказ соответствует обязанностям государства и вытекает из положений ст. 10 Конвенции.

54. В своём заявлении Суду от 10 ноября 2005 г., г-н К., представитель Заявителя в национальном судопроизводстве, отметил, что знает о содержании отчёта от 18 февраля 2002 г., но связан обязательствами о неразглашении, в связи с чем, не может проинформировать Суд о его содержании.

55. Суд подчёркивает, что для эффективности системы рассмотрения индивидуальных заявлений, установленной ст. 34 Конвенции, Государства должны предоставить все необходимые средства для того, чтобы способствовать тщательному и эффективному рассмотрению заявлений (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Данное обязательство требует, чтобы все подписавшиеся Стороны предоставили Суду необходимые средства, являются ли таковые расследованием или исполнением своих общих обязанностей касательно исследования заявления. Непредставление правительством информации, находящейся у него в распоряжении, без удовлетворительного объяснения, может не только способствовать выводам в отношении обоснованности обвинений

Заявителя, а и негативно сказаться на уровне выполнения страной-ответчиком своих обязательств по ст. 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 3531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

56. Суд заметил, что правительство не предоставило копию документа, запрошенную Судом, несмотря на повторяющиеся запросы. Оно не отрицало, однако, что документ находился в его распоряжении. Путём обоснования своего отказа правительство ссылалось на отсутствие установленной процедуры предоставления таких документов международным организациям. Однако Суд подчёркивает, что, ратифицировав Конвенцию, Стороны согласились, согласно ст. 38 § 1 (а) Конвенции, предоставлять все необходимые документы для эффективного расследования Судом. Это обязательство подразумевает использование таких процедур, которые будут необходимы для беспрепятственного общения и обмена документами в Суде. При таких обстоятельствах, простая ссылка на структурную недостаточность национального права, которая делает невозможным предоставление деликатных документов международным организациям, является недостаточным объяснением для отказа в предоставлении Суду важной информации. Более того, он отметил, что отчёт исследовался в национальной судебной процедуре и представителю Заявителя позволили ознакомиться с его содержанием, не разглашая его из-за подписки о конфиденциальности материалов. Этот факт указывает на то, что природа информации, содержащейся в отчёте, не была достаточной для того, чтобы раскрывать её лицам, не являющимся сотрудниками служб безопасности или высшими государственными чиновниками. В конце концов, даже при наличии обоснованных опасений разглашения отчёта, правительство должно было предоставить суду версию, не содержащую деликатных абзацев или предоставить резюме основных фактических оснований, а в данном деле ничто из перечисленного сделано не было.

57. Приняв во внимание важность сотрудничества правительства-ответчика в Конвенционных процедурах и сложности, возникающие с установлением фактов в делах, подобных настоящему, Суд считает, что российское правительство не выполнило свои обязательства по ст. 38 § 1 (а) Конвенции тем, что не предоставило копию запрошенного отчёта.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 9 КОНВЕНЦИИ

58. Заявитель подал жалобу по ст. 9 Конвенции о его исключении из России, что было призвано наказать его за обнародование и распространение своей религии. Ст. 9 гласит следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать

свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.”

А. Аргументы сторон в Суде

59. По мнению Заявителя, правительство в своих аргументах насчёт приемлемости и сути дела приняло тот факт, что санкции об исключении из России были применены к нему в соответствии с его религиозной деятельностью. Соответственно, эти санкции являлись вмешательством в его право исповедовать свою религию. Он отметил, что различие между «деятельностью» и религиозными убеждениями, делаемые российскими властями и правительством в своих аргументах, было искусственным и неэффективным, поскольку ст. 9 Конвенции защищала как религиозные убеждения (*forum internum*), так и их исповедование (*forum externum*). Касательно обоснования вмешательства, Заявитель подчеркнул, что интересы национальной безопасности основывались на национальных процедурах и не преследовали правомерную цель согласно части 2 статьи 9. Официальная политика российского правительства в отношении национальной безопасности, определяющая «иностранные» религии и миссионеров как угрозу национальной безопасности несовместима с Конвенцией. Религиозный плюрализм – основополагающая составляющая демократического общества: национальная безопасность требует, чтобы правительства его защищали, а не противились. Более того, Заявитель отметил, что ни он, ни Церковь Объединения никогда не были вовлечены в криминальную деятельность, доказательства чего были подтверждены документом, поданным в Экспертный Совет при Министерстве Юстиции (см. параграф 8 выше). Доказательства исследовались в несвязанных слушаниях Промышленного районного суда г. Ставрополь, на которые правительство ссылалось в своих аргументах в отношении приемлемости жалобы, и не содержали ссылок на деятельность Заявителя. Ни доказательства, ни решение районного суда не содержались в решении выдворить Заявителя с территории, а также не были прикреплены к делу.

Заявитель указал, что вмешательство в его права по ст. 9 Конвенции не было обоснованным.

60. Правительство заявило, что выдворение Заявителя было мотивировано Резолюцией о культах в Европе Европейского парламента от 29 февраля 1996 г., в которой последний выразил

опасение в связи с некоторыми культами «вовлеченными в незаконную деятельность или деятельность криминального характера и нарушения прав человека, такие как плохое обращение, сексуальное насилие, незаконное задержание, содержание в рабстве, подстрекание к агрессивному поведению или пропаганда расистских идеологий, налоговое мошенничество, незаконный перевод денег, торговля оружием или наркотиками, нарушение трудовых прав, незаконное занятие медицинской деятельностью». Правительство также сослалось на Рекомендацию 1178 (1992) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О сектах и новых религиозных движениях» и Дополнительный ответ Комитета Министров на эту Рекомендацию, принятый 17 февраля 1994 г. (doc. 7030). Из этих документов Правительство сделало вывод, что государства имеют право и несут обязанность совершать наблюдение и меры предосторожности в таких деликатных вопросах как распространение религиозных течений. Деятельность Заявителя в качестве координатора групп преподобного Муна была скорее «мотивом», чем «основанием» для российских властей «совершать наблюдение и использовать существующие правовые инструменты». Причины исключения Заявителя были результатом оперативных или розыскных мер, что было отражено в отчёте Ставропольского регионального отделения Федеральной службы безопасности, датированного 18 февраля 2002 г., относительно запрета нахождения Заявителя в Российской Федерации. Московский городской суд в своём решении от 25 марта 2003 г. отметил, что деятельность Заявителя на территории Российской Федерации носила «деструктивный характер и представляла угрозу безопасности в Российской Федерации». Правительство подчеркнуло, что угроза исходила от деятельности Заявителя, а не его религиозных убеждений.

В. Оценка Суда

1. Наличие вмешательства в право Заявителя на свободу вероисповедания

61. Суд отмечает свой последовательный подход к свободе мысли, совести и религии, установленный ст. 9, и являющийся основополагающей составляющей «демократического общества» в понимании Конвенции. Он, в своей религиозной составляющей, является одним из самых важных элементов, формирующих сознание верующих и их концепцию жизни, а также важной ценностью для атеистов, агностиков, скептиков и тех, кто обеспокоен данным вопросом. Плюрализм – неотъемлемая часть демократического общества, отвоёвываемая веками, зависит от неё. В то время как религиозная свобода является частью индивидуального сознания, она также касается, *inter alia*, свободы «выражения религии».

Свидетельства слов и деяний связаны с наличием религиозных убеждений. Много раз Суд постановлял, что наложение административных или уголовных санкций за выражение религиозных убеждений или реализацию права на свободу вероисповедания, является вмешательством в права, гарантированные ст. 9 § 1 Конвенции (see *Serif v. Greece*, no. 38178/97, § 39, ECHR 1999-IX; *Larissis and Others v. Greece*, 24 February 1998, § 38, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, и *Kokkinakis v. Greece*, 25 May 1993, § 36, Series A no. 260-A).

62. Основной сутью претензий Заявителя является не то, что ему было запрещено проживать или находиться на территории России, а то, что его религиозные убеждения и/или деятельность подвигли русских должностных лиц запретить его повторный въезд. Суд в этой связи подчёркивает, что право иностранца въезжать или пребывать на территории страны как таковое не гарантировано Конвенцией, но иммиграционный контроль должен проводиться согласно с обязательствами по Конвенции (see *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*, 28 May 1985, §§ 59-60, Series A no. 94). Относительно ст. 9, он подчёркивает, что “депортация ... как таковая не является вмешательством в права, гарантированные ст. 9, если не будет установлено, что мера была применена для того, чтобы помешать реализации таких прав и сдерживать распространение религии или философии последователей» (см. *Omkarananda and the Divine Light Zentrum v. Switzerland*, no. 8118/77, Решение Комиссии от 19 марта 1981, *Decisions and Reports* (DR) 25, p. 118). Не так давно Суд рассматривал дела против Болгарии, в которых жалоба на использование государством иммиграционного контроля как инструмента прекращения религиозной деятельности заявителя в своей юрисдикции, была признана приемлемой в отношении вмешательства в права, гарантируемые ст. 9 (see *Al-Nashif v. Bulgaria* (dec.), no. 50963/99, 25 January 2001, and *Lotter v. Bulgaria* (dec.), no. 39015/97, 5 November 1997). В латвийском деле Суд установил, что отказ в предоставлении пастору-евангелисту разрешения на постоянное проживание «из-за религиозной деятельности», которое было основано на соображениях национальной безопасности, явилось вмешательством в право заявителя на свободу религии. (см. *Perry v. Latvia*, no. 30273/03, §§ 10 and 53, 8 November 2007). Таким образом, следует, что поскольку мера в отношении продления пребывания заявителя в данном государстве была применена в связи с реализацией права на свободу религии, такая мера является вмешательством в это право.

63. Соответственно, заданием Суда в настоящем деле является установление факта, было ли исключение заявителя из России связано с правом на свободу религии. Суд отмечает, что Заявитель прибыл в

Россию в 1994 г. по приглашению Церкви Объединения, религиозной ассоциации, официально зарегистрированной в России. Ему было предоставлено разрешение на временное пребывание, которое впоследствии продлевалось ежегодно на основании приглашений Церкви Объединения и её дочерней нерелигиозной организации в г. Санкт-Петербурге. В 1999 г. он поехал в Ростов-на-Дону для того, чтобы работать в ростовском отделении Церкви Объединения. В материалах дела, а также в заявлениях правительства не указывалось, что Церковь Объединения или её отделения занимались иной деятельностью, помимо распространения своей доктрины и объяснения своим последователям заповедей духовного движения преподобного Муна. Религиозная природа их деятельности нашла косвенное подтверждение в решении Промышленного районного суда г. Ставрополя, который запретил деятельность их дочерней социальной организации за «занятие религиозной деятельностью под прикрытием зарегистрированной социальной организации» (см. параграф 13 выше). 64. Более того, ничего не указывает на то, что Заявитель был трудоустроен где-либо помимо Церкви Объединения и её дочерних организаций, или что он занимался иной деятельностью, помимо социальной и религиозной деятельности в качестве миссионера Церкви Объединения. Правительство соответственно полагало, что угрозой национальной безопасности Заявителя была его «деятельность», а не «религиозные убеждения». Однако в слушаниях Суда они никоим образом не указывали природу какой-либо нерелигиозной деятельности, которой Заявитель, возможно, занимался. В то время как они неопределённо упомянули определённые «заклучения» операционных и розыскных мер, представители правительства не воспользовались возможностью обосновать свои заявления, не подав копию отчёта Федеральной миграционной службы, который многократно требовался Судом.

65. В конце концов, Суд не может не принять во внимание утверждение Заявителя о том, что Концепция национальной безопасности Российской Федерации, с изменениями в феврале 2000 г., закрепляет, что национальная безопасность России должна быть обеспечена путём противостояния «негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров». Отсутствие определения «деятельности иностранных миссионеров, которая может вредить национальной безопасности» подкрепляет его аргумент о том, что его религиозные убеждения, совмещённые с его статусом иностранного миссионера иностранной религиозной организации, могли быть основанием для решения российских властей о запрете его возвращения в Россию.

66. Исходя из аргументов Сторон и информации из материалов дела, Суд находит, что деятельность Заявителя в России носила в

первую очередь религиозный характер и являлась реализацией его права на свободу религии. Учитывая тот факт, что не было доказано, что Заявитель был вовлечён в другую, нерелигиозную деятельность, а также общую политику, закреплённую в Концепции национальной безопасности Российской Федерации о том, что иностранные миссионеры представляли угрозу национальной безопасности, Суд считает доказанным тот факт, что запрет нахождения Заявителем в Российской Федерации был выдан для лишения Заявителя права на свободу религии и распространения учения Церкви Объединения. Таким образом, было осуществлено вмешательство в права Заявителя, гарантированные ст. 9 Конвенции (см. дела *Abdulaziz, Omakaranda* и *Lotter*, упомянутые выше).

67. Для того, чтобы определить являлось ли такое вмешательство нарушением Конвенции, Суд должен определить удовлетворит ли оно требования ст. 9 § 2, а именно: «которое предусмотрено законом» и преследует правомерную цель, предписанную данной статьёй, а также было «необходимо в демократическом обществе».

2. Основания вмешательства

68. Правительство заявило, что в первую очередь, вмешательство было мотивировано тем, что деятельность Заявителя в России представляла угрозу национальной безопасности. Заявитель отрицает это утверждение.

69. Суд подчёркивает, что при оценке доказательств в конвенционных процедурах, он обычно руководствуется принципом *affirmanti, non neganti, incumbit probatio* (бремя доказывания лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает). Доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, чётких и последовательных заключений или подобных неопровержимых презумпций данного факта. В некоторых инстанциях Правительство-ответчик должно было иметь доступ к информации, способной опровергнуть отдельные утверждения. Невозможность со стороны Правительства предоставить такую информацию без удовлетворительного объяснения может способствовать заключениям относительно обоснованности жалобы Заявителя. (см., среди прочего, *Makhmudov v. Russia*, no. 35082/04, § 68, 26 July 2007; *Fadeyeva v. Russia*, no. 55723/00, § 79, ECHR 2005-IV; и *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, § 426, 6 April 2004).

70. Основания для вмешательства, предложенные Правительством в настоящем деле должны соответствовать утверждению, что деятельность Заявителя представляла угрозу национальной безопасности. Очевидно, принимая во внимание деликатную природу информации, только Правительство-ответчик, а не Заявитель, имело доступ к материалам, которые могли подтвердить жалобу. Однако

Правительство не предоставило каких-либо материалов в поддержку этого заявления. Более того, оно последовательно отказывалось предоставить отчёт от 18 февраля 2002 г., который лежал в основании решения российских властей исключить Заявителя из России, исходя из соображений национальной безопасности, или, по крайней мере, сделать резюме содержимого отчёта.

71. Суд также отмечает, что нет доказательств, подкрепляющих необходимость запрета въезда Заявителя в Россию, которые бы исследовались в национальном судопроизводстве. Он подчёркивает, что даже если национальная безопасность находится под угрозой, концепция законности и верховенства права в демократическом обществе, требует, чтобы меры, влияющие на права человека рассматривались в независимом органе, компетентном рассматривать причины решения и соответствующие доказательства, при необходимости процедурных ограничений использования определённой информации. Физическое лицо должно иметь право оспаривать утверждение государственных органов о том, что национальная безопасность находится под угрозой. В то время как исследование того, что представляет угрозу национальной безопасности, является очень важным, независимый орган должен иметь возможность реагировать в случаях, где данная концепция применяется без соответствующих оснований или интерпретация «национальной безопасности» является незаконной или противоречащей здравому смыслу и произвольной. Не выполнив таких гарантий, полиция или другие государственные органы смогут произвольно вторгнуться в права, защищаемые Конвенцией (см. *Liu and Liu v. Russia*, no. 42086/05, § 59, 6 December 2007; *Al-Nashif v. Bulgaria*, no. 50963/99, §§ 123-124, 20 June 2002; и *Lupsa v. Romania*, no. 10337/04, §§ 33-34, ECHR 2006-VII).

72. В данном деле, представитель Федеральной службы безопасности в национальном судопроизводстве ссылается на отчёт от 18 февраля 2002 г., хотя и не предоставляет доказательств фактических обстоятельств, обосновывающих их утверждения или природу утверждений относительно незаконного поведения со стороны Заявителя, если такое будет содержаться в отчёте. Московский областной суд в первой инстанции и в последующем Верховный Суд ограничили рамки своего исследования дела утверждением о том, что отчёт был выпущен в пределах компетенции Федеральной службы безопасности, без выполнения независимого исследования того, является ли заключение о том, представлял ли Заявитель угрозу национальной безопасности имело под собой серьёзные основания. В данных обстоятельствах, Суд не может найти в национальных судебных решениях каких-либо конкретных фактов, подтверждающих

аргументы Правительства о том, что религиозная деятельность Заявителя представляет угрозу национальной безопасности.

73. Более того, Правительство основывается на защите национальной безопасности как основной легитимной цели применённой меры, но Суд подчёркивает, что исключения, закреплённые в ст. 9 § 2 должны быть узко истолкованы, а их определение должно быть обязательно ограничивающим. (см. *Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine*, no. 77703/01, § 132, 14 June 2007). Правомерные причины, указанные в данном положении включают: интересы общественной безопасности, защиту общественного порядка, здоровья и морали, а также защиту прав и свобод других лиц. (см. параграф 58 выше). Части 2 ст. 8, 10, и 11, часть 2 ст. 9 Конвенции не позволяют ограничивать основания национальной безопасности. То, что указанное выше основание не было включено в ст. 9 – не случайно, а отражает особую важность религиозного плюрализма как «одного из основополагающих факторов «демократического общества» в значении Конвенции» и факта, что государство не может диктовать веру человеку или принуждать его/её изменить свои убеждения (см., *mutatis mutandis*, *Kokkinakis*, цитируемый выше, § 31, и *Ivanova v. Bulgaria*, no. 52435/99, § 79, ECHR 2007-...). Следовательно интересы национальной безопасности не могут служить основанием для применения мер, принятых российскими властями против Заявителя.

74. Правительство заявляло, на стадии принятия решения о приемлемости жалобы о том, что религиозная деятельность Заявителя вмешивалась в частные, семейные и иные законные интересы лиц. Суд отмечает, что единственными упомянутыми в данной связи доказательствами, были доказательства, исследованные Промышленным районным судом в слушаниях о закрытии Ставропольского регионального отделения ФСЕМВМ (см. параграф 13 выше). Суд указывает, что если бы Заявитель не был сотрудником Ставропольского отделения или стороной, участвовавшей в слушаниях о прекращении деятельности, его имя не было бы иным образом упомянуто в решении районного суда и слушаний в нём. Более того, решение районного суда не основывалось или даже не упоминало слушаний в отношении исключения Заявителя в России. Правительство не объяснило его относимость к делу или предоставило другого указания в отношении того, почему они признали, что религиозная деятельность Заявителя влияла на права и свободы других лиц. Следовательно, оснований для вмешательства в право Заявителя на свободу религии не было.

75. Приняв во внимание вышеуказанные обстоятельства, Суд считает, что Правительство не подало состоятельного правового и фактического обоснования исключения Заявителя из России в связи с

его религиозной деятельностью. Таким образом, имело место нарушение ст. 9 Конвенции.

III. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 14 КОНВЕНЦИИ СОВМЕСТНО С НАРУШЕНИЕМ СТ. 9

76. Заявитель жаловался на то, что страдал от дискриминации при реализации своего права на свободу религии по причине того, что был иностранным миссионером, что противоречит ст. 14 Конвенции, если применять её совместно со Ст. 9, Ст. 14 гласит следующее:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.”

77. Заявитель утверждает, что существовала разница в обращении с «традиционными» русскими религиями и теми, которые воспринимались как имеющие иностранное происхождение, что в последствии было воплощено в Концепцию национальной безопасности России как «негативное влияние» и угрозу национальной безопасности. Экстремальная мера исключения его с территории России, где он занимался распространением своих религиозных убеждений законным и мирным способом, не преследовала правомерной цели, и была непропорциональной в отношении преследовавшейся цели.

78. Правительство напротив утверждало, что дискриминации по религиозным основаниям не было, поскольку Московский областной суд установил наличие угрозы национальной безопасности, которую представляла «деятельность» Заявителя, а не его «религиозные убеждения». Запрет деятельности Ставропольской ФСЕМВМ не мог считаться дискриминацией Заявителя.

79. Принимая во внимание тот факт, что Суд установил нарушение ст. 9 Конвенции, он не считает необходимым исследовать жалобу в отношении ст. 14 (см. *Perry*, цитируемое выше, § 70).

IV. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 8 КОНВЕНЦИИ

80. Заявитель и его сын жаловались о том, что их вынужденное разделение, вызванное недопуском Заявителя на территорию России, являлось нарушением права на уважение их семейной жизни, закреплённого ст. 8 Конвенции, содержащей следующее:

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.”

А. Материалы, поданные Сторонами

81. Заявитель и его сын утверждают, что Заявителя заранее не уведомили об указе о выдворении с территории России или позволили ему уехать вместе со своим сыном. Он жил в России 8 лет и не обзавёлся домом где-либо ещё, что позволило бы ему забрать сына. Результатом действий государства стало то, что ему было сложно организовать из заграницы необходимые документы на сына, включая выездную визу, через третью сторону – няню – которая не была членом их семьи. Рассмотрение его жалобы заняло семь с половиной месяцев из-за постоянных отсрочек, предоставляемых судом ФСБ из-за постоянной недостаточной подготовленности представителей последнего. В своём заявлении, Заявитель указывал эти элементы как вмешательство в своё право и право сына на уважение их семейной жизни. Правительством не было предоставлено достаточных обоснований.

82. Правительство заявило, что российское законодательство относится ко всем иностранным гражданам одинаково, независимо от того, есть ли у них несовершеннолетние дети в России. Не было доказательств того, что российские должностные лица мешали Заявителю воссоединиться со своим сыном в другом государстве. Он также не доказал, что предпринимал какие-либо шаги для того, чтобы увезти сына из России. В любом случае, Конвенция не гарантирует право на установление семейной жизни в какой-либо конкретной стране (здесь они ссылаются на *Slivenko v. Latvia* [GC], no. 48321/99, § 97, ECHR 2003-X). В отличие от первой заявительницы, которая прибыла в Латвию, когда ей было только 10 месяцев и провела всю свою жизнь там, Заявитель прибыл в Россию, будучи взрослым и прожил там только 8 лет. Его интеграции в России была сомнительной, поскольку он не мог, по своему собственному признанию, прочесть документ на русском языке. Более того, в силу своей профессии религиозные миссионеры должны быть готовы легко менять место жительства. И в заключение, Правительство утверждает, что, в любом случае, вмешательство в семейную жизнь Заявителя осуществлялось в соответствии с законом, преследуя правомерную цель защиты национальной безопасности, и была необходима в демократическом обществе.

В. Оценка Суда

83. Что касается жалобы по ст. 8, Суд отмечает, что Заявитель и его сын не заявили о том, что уважение их прав на семейную жизнь согласно этому положению требовало разрешения установить семейную жизнь только в России и нигде более. Скорее, они жаловались на то, что мера о выдворении, которая была применена в отношении Заявителя, была принята, пока он ещё был в России, однако он не был поставлен об этом в известность и не было сделано ничего, чтобы позволило ему – единственному родителю К. и его единственному правовому представителю – организовать отъезд для сына. В этой связи Суд отмечает, что более трёх месяцев отделяло выпуск отчёта Федеральной службы безопасности 18 февраля 2002 г., который очевидно являлся основанием для исключения Заявителя и исполнением указа о выдворении в начале июля 2002 г. Во время всего этого периода российские власти были в курсе того, что Заявителю не будет разрешено вернуться в Россию, но не было сведений о том, что данная ситуация доведена до сведения Заявителя. После выдворения из России в июне 2002 г., последующие попытки получить новую визу и вернуться в Россию для воссоединения со своим сыном, также не удалось. Это создало ситуацию, при которой Заявитель не имел физического доступа к своему сыну, оставшемуся в России с няней. Физическое разделение Заявителя и его сына длилось приблизительно 10 месяцев, в течение которых Заявитель пытался обжаловать решение о выдворении и подготовить соответствующие документы – такие как выездную визу из России - чтобы смогло позволить его сыну покинуть Россию. Период разделения был прямым последствием ряда действий российских властей (решения исключить Заявителя с территории России) и упущений (несообщение Заявителю о решении и том, что необходимо принять меры, позволяющие его сыну покинуть Россию).

84. Что касается характеристики этих действий и упущений российских властей, Суд утверждает, что, несмотря на то, что объектом ст. 8 является необходимость защиты лица от произвольного вмешательства государственных властей, она не просто заставляет государство воздержаться от такого вмешательства. В дополнение к данному негативному обязательству, могут возникнуть позитивные обязательства, неотъемлемые от эффективного уважения частной жизни. Данные обязательства могут включать меры для обеспечения уважения частной и семейной жизни. Границам между позитивными и негативными обязательствами государства в соответствии со ст. 8 не даётся чёткое определение. Применяемые принципы не являются подобными. В частности обе инстанции должны соблюдать справедливый баланс между различными интересами (см. *Dickson v. the United Kingdom* [GC], no. 44362/04, § 70, ECHR 2007-...).

85. В данном деле Суд не считает необходимым и более уместным анализировать дело как вытекающее из позитивных или негативных обязательств, поскольку основным вопросом является соблюдение справедливого баланса между противоречащими публичными и частными интересами.

86. Как указано выше, в то время Заявитель был единственным родителем и правовым представителем своего сына. Во время их разделения К. едва исполнилось 10 месяцев, возраст, который для ребёнка является уязвимым и формирующим. Интересы Заявителя и его сына, очевидно, состояли в том, чтобы находиться в физической близости и контакте, максимально возможное время, а при невозможности – воссоединиться как можно скорее.

87. Правительство заявляет об интересах национальной безопасности как о единой мотивации действий, которые они предприняли. Суд уже установил выше, что Правительство не смогло предоставить доказательств, поддерживающих жалобу о том, что присутствие Заявителя на российской почве действительно представляло угрозу национальной безопасности. Следовательно, Правительство не предоставило мотивации, которая бы могла перевесить правомерные интересы Заявителя и его сына быть вместе.

88. Более того, Суд отметил, что у государства есть позитивное обязательство обеспечить эффективную защиту (see *L.C.B. v. the United Kingdom*, 9 June 1998, § 36, *Reports* 1998-III; *Osman v. the United Kingdom*, 28 October 1998, §§ 115-116, *Reports* 1998-VIII; и *Z and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 29392/95, § 73, ECHR 2001-V). Российские власти не отрицают, что они знали о том, что Заявитель являлся единственным родителем. Факт того, что выдворение из России станет причиной разделения Заявителя и К., рождённого и никогда не покидавшего пределов России, порождающий необходимость оформления для его отъезда специальных документов, также не мог не быть для них очевидным. Однако, несмотря на знание этих фактов, власти скрыли от Заявителя наличие решения, лишив его возможности подготовить для отъезда К. из России для их воссоединения в другой стране все необходимые документы. Очевидное отсутствие оценки влияния решений Правительства на благополучие сына Заявителя должно быть оценено как выходящие за рамки приемлемого понимания государства

89. Таким образом, имело место нарушение ст. 8 Конвенции в отношении Заявителя и его сына.

V. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 5 КОНВЕНЦИИ

90. Заявитель жаловался на то, что его задержали в аэропорту Шереметьево в Москве в нарушение гарантий ст. 5 Конвенции, которая закрепляет следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.”

A. Заявления сторон

91. Заявитель попросил Суд при исследовании факта лишения его свободы принять во внимание его конкретную ситуацию. Он отметил, что его заперли в комнате на девять часов и в течение этого времени ему только однажды разрешили выйти в туалет, под охраной. В остальное время до его отъезда он был под постоянным сопровождением и наблюдением пограничников. Он заявил, что его задержание не могло быть «законным», потому что руководствовалось неопубликованной Инструкцией о пересечении границы, которая не была «публично доступной», несмотря на её формальное соблюдение. В связи с тем, что он не был задержан в связи с административными или уголовными процедурами, у него не было процедурной защиты, позволяющей требовать пересмотра законности его задержания, как предусмотрено частью 4 ст. 5. Любой *ex post facto* пересмотр не позволил бы ему получить указ о его освобождении как предусмотрено ст. 5 § 4. В последствии, он установил, что с того момента как суды постановили, что действия сотрудников Пограничной службы не нарушали российское законодательство или ст. 5, у него не было права на компенсацию, как требуется ст. 5 § 5.

92. Правительство отрицало, что Заявитель когда-либо «задерживался», а тем более «арестовывался согласно процедуре», а формальные «меры задержания» не предпринимались. Скорее,

Заявителю не было разрешено пересечь российскую границу и была предложена возможность нахождения в транзитном зале аэропорта, где он мог пользоваться баром и телефоном. Соответственно, Правительство считало, что ст. 5 Конвенции применяться к данному делу не может. В любом случае, представители Правительства свидетельствовали о том, что Заявитель мог подать жалобу на своё утверждаемое задержание в Московский областной суд, что удовлетворяло требованиям ст. 5 § 4.

В. Оценка Суда

1. Наличие лишения свободы

93. Стороны имели противоположные мнения о том, был ли Заявитель лишён свободы в значении ст. 5 Конвенции. Суд подчёркивает, что, провозглашая право на свободу, в части 1 Ст. 5 рассматривается физическая свобода лица; её цель обеспечить, чтобы никого не могли произвольно лишить свободы. Для того, чтобы определить был ли кто-то «лишён свободы» в значении Ст. 5, отправной точкой должна быть конкретная ситуация, и во внимание должны приниматься различные критерии, такие как тип, длительность, эффекты и манера имплементации соответствующих мер. Разница между лишением и ограничениями свободы – в степени и интенсивности, а не природе или существе ограничения (см. *Amuur v. France*, 25 June 1996, § 42, *Reports* 1996-III).

94. В отношении фактов, Суд отмечает, что Заявитель прибыл в Московский аэропорт из Кипра в 11 часов ночи 2 июня 2002 г. После прохождения пограничного контроля, ему отказали во въезде на российскую территорию и провели в транзитный зал. В транзитном зале его заперли на ночь в маленькой комнате. Ему разрешили пользоваться туалетом, баром и телефоном утром следующего дня. Примерно в 10 часов утра он купил билет в Таллинн и сел на самолёт полтора часа спустя. Сотрудник Пограничной службы сопровождал его до того момента, пока он не сел в самолёт.

95. Несмотря на то, что Заявитель не пересёк российскую границу, как указало Правительство, во время его нахождения в транзитном зале, он был под юрисдикцией Российской Федерации. Правительство не заявляло о том, что транзитная зона аэропорта Шереметьево имела экстратерриториальный статус или другим образом находилось вне контроля государства (сравните *Shamsa v. Poland*, nos. 45355/99 and 45357/99, § 45, 27 November 2003). Суд нашёл, что Заявитель находился под российской юрисдикцией и ответственностью. (для сравнения *Öcalan v. Turkey* [GC], no. 46221/99, § 91, ECHR 2005-IV).

96. Правительство полагалось на тот факт, что Заявитель не подвергался процедуре уголовного или административного задержания, не имеет значения для оценки Суда в отношении наличия *de facto* лишения или ограничения свободы. В отношении данной конкретной ситуации, Суд отмечает, что вовремя ночного пребывания в аэропорту Шереметьево покинуть комнату, в которую был помещён, по своему желанию он не мог, поскольку она была заперта снаружи. Несмотря на то, что ему было позволено пользоваться туалетом и баром на следующее утро, он мог делать это только под наблюдением офицера пограничной службы. Фактически, его отъезд был возможен на следующий день только потому, что он купил билет в Эстонию, к моменту чего его ночное заключение уже имело место. Заявление Заявителя о том, что его свобода на ночь была ограничена, подтверждается требованиями Инструкции о пересечении границы, которая обязывала пограничный контроль сопровождать лиц, находящихся в ситуации Заявителя, в «изолированном пространстве» и помещать их «под охрану» до того, как они покинут территорию России (см. параграф 46 выше). Соответственно, Суд нашёл, что условия нахождения Заявителя ночью в транзитном зале аэропорта Шереметьево в г. Москве были эквивалентны на практике, исходя из тех ограничений, которые он испытывал, лишению свободы, ответственными за которое были российские власти.

2. Соответствие ст. 5 § 1

97. Заявителю отказали во въезде в Россию и его задержание в аэропорту Шереметьево таким образом подпадало под ст. 5 § 1 (f) Конвенции по причине предотвращения его несанкционированного въезда в страну. Суд подчеркивает, что должен исследовать было ли задержание Заявителя «законным» в значении ст. 5 § 1, с особыми гарантиями, предоставляемыми национальной системой. В случае, если важным является «законность» решения, включая вопрос о том была ли «процедура предусмотрена правом», Конвенция в основном ссылается на национальное право и предоставляет обязательство соответствовать процедурным нормам национального права, но требует в дополнение, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели ст. 5, которая заключалась в защите лиц от произвольности (см. *Atiur*, цитируемое выше, § 50).

98. Суд должен подтвердить соответствовало ли национальное право Конвенции, включая применяемые общие принципы. На последнем аспекте Суд делает акцент, что в случаях лишения свободы очень важно удовлетворить принцип правовой точности. Любое «лишение свободы» должно соответствовать процедуре, предусмотренной законом». Ст. 5 § 1 не просто отсылает к национальному законодательству как выражения «в соответствии с

законодательством» или «предусмотрено законом» во вторых частях ст. ст. 8 - 11, но также относится к «качеству права», требующему, чтобы оно было совместимо с верховенством права, концепцией, применяемой во всех статьях Конвенции. «Качество права» в этом смысле используется там, где национальное право санкционирует лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным, чётким и предсказуемым в своём применении для того, чтобы избежать риска произвольности власти (см. *Nasrulloev v. Russia*, no. 656/06, § 66, 11 October 2007; *Khudoyorov v. Russia*, no. 6847/02, § 125, ECHR 2005-X; *Ječius v. Lithuania*, no. 34578/97, § 56, ECHR 2000-IX; *Baranowski v. Poland*, no. 28358/95, §§ 50-52, ECHR 2000-III; и *Amuur*, цитируемый выше).

99. Поскольку Правительство нашло, что Заявителя не «задержали» согласно значению российского права, они не ссылались на национальные правовые положения, которые могли закреплять лишение свободы, которому он был подвергнут. Заявитель обозначил, что его задержание могло быть осуществлено в соответствии с Инструкцией о пересечении границы (см. параграф 46 выше), поскольку он попадал в категорию лиц, въезд которых в Россию был запрещён. Он отметил, что Инструкция о пересечении границы никогда не была опубликована или доступна общественности. Правительство не оспаривало это утверждение. Таким образом, Суд нашёл, что Инструкция о пересечении границы не соответствовала требованиям доступности и предсказуемости, а также не соответствовали стандартам «качества права», требуемых Конвенцией. Национальная система не смогла защитить Заявителя от произвольного лишения свободы, и его задержание не могло рассматриваться как «предусмотренное законом», исходя из целей ст. 5 § 1 Конвенции.

100. Таким образом, имело место нарушение ст. 5 § 1 Конвенции.

3. Соответствие ст. 5 § 4

101. Суд отмечает, что Заявителя лишили свободы на короткий период времени. Этот период закончился вместе с его отъездом из России, что происходило до подачи заявления о судебном пересмотре его лишения свободы. Заявитель быстро приобрёл вновь свободу перед тем, как состоялось какое-либо судебное разбирательство в отношении его задержания и Суд не считает необходимым рассматривать по существу его жалобу согласно ст. 5 § 4 (см. *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*, 30 August 1990, § 45, Series A no. 182).

4. Соответствие ст. 5 § 5

102. Суд подчеркивает, что ст. 5 § 5 указывает случаи, в которых возможно обратиться за компенсацией в связи с лишением свободы по причинам, указанным в частях 1, 2, 3 или 4. Право на компенсацию, указанное в части 5 предполагает, что нарушение одной из предыдущих частей ст. 5 было подтверждено либо национальными властями, либо Судом (см. *Govorushko v. Russia*, no. 42940/06, § 57, 25 October 2007; *Fedotov v. Russia*, no. 5140/02, § 83, 25 October 2005; and *N.C. v. Italy* [GC], no. 24952/94, § 49, ECHR 2002-X).

103. В настоящем деле Суд нашёл нарушение части 1 ст. 5, в которой нарушение свободы не было осуществлено согласно процедуре, «предусмотренной законом». Необходимо указать имел ли Заявитель право на компенсацию за нарушение ст. 5.

104. Суд отмечает, что в России исходя из соответствующих положений Гражданского Кодекса (см. параграф 47 выше), компенсация материальных и нематериальных убытков может быть потребована от государства только в том случае, если задержание было признано незаконным согласно национальной процедуре. В настоящем деле, однако, Московский областной суд и в последствии Верховный Суд не посчитали, что Заявитель был лишён свободы. Таким образом, Суд считает, что у Заявителя было реализуемое право на компенсацию за лишение свободы в нарушение ст. 5 § 1 Конвенции.

105. Таким образом, имело место нарушение ст. 5 § 5 Конвенции.

VI. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 1 ПРОТОКОЛА No. 7

106. утверждает, что указ о выдворении являлся нарушением гарантий, предусмотренных ст. 1 Протокола No. 7, который закрепляет:

«1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

- a. представить аргументы против своей высылки,
- b. пересмотра своего дела, и
- c. для этих целей быть представленным перед компетентным органом или одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления своих прав, перечисленных в подпунктах (a), (b) и (c) пункта 1 данной статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности.»

А. Заявления сторон

107. Заявитель утверждает, что он проживал в России на законных основаниях более семи лет и что во время своей попытки вновь въехать на территорию России, у него была действительная виза. Виза являлась полностью действительной на то время, и не было какого-либо приказа о депортации или сокращении срока её действия. Заявитель, таким образом, был законным резидентом Российской Федерации, несмотря на то, что во время событий он не присутствовал на российской земле физически. Решение, принятое против него было мерой «способствующей отъезду иностранца с территории» в значении Объяснительного отчёта к Протоколу No. 7 и таким образом подпадало под определение «выдворения». В заключении Заявитель утверждал, что процедурных гарантий, требуемых ст. 1 § 1 Протокола No. 7 ему предоставлено не было. Таким образом, поскольку правительство основывалось на исключении относительно национальной безопасности в части 2 этого положения, Заявитель утверждает, что данные факты являются нарушением ст. 18 Конвенции в сочетании со ст. 1 § 2 Протокола No. 7.

108. Представители Правительства утверждают, что, в первую очередь, Заявитель не являлся резидентом России, поскольку летел из Кипра. Во-вторых, они утверждают, что его виза более не являлась действительной и его пребывание, таким образом, было незаконным, ссылаясь на решение Комиссии в деле *Voulfouvitch and Oulianova v. Sweden* (no. 19373/92, Решение Комиссии от 13 января 1993 г.). В-третьих, они утверждают, что решение о выдворении Заявителя было принято «в соответствии с законом», а именно частью 27 § 1 Закона РФ «О порядке въезда и выезда из Российской Федерации», и что иностранец может быть выслан перед тем, как он сможет выполнить свои процедурные права в случае необходимости: «в интересах общественного порядка или основываясь на причинах национальной безопасности». Правительство не указало причин, на которых основывалось решение о выдворении, ссылаясь на «общепринятую международную практику». И в заключение, они отметили, что право допускать иностранцев на свою территорию – всемирно признанное суверенное право Государства.

В. Оценка Суда

1. Применение ст. 1 Протокола No. 7

109. Сфера применения ст. 1 Протокола No. 7 распространяется на иностранцев «законно проживающих» на территории соответствующего Государства. Таким образом, необходимо отметить,

что Заявитель было законным резидентом в России на момент его исключения с территории государства.

110. Во-первых, в отношении аргумента Правительства, что Заявитель не мог считаться «резидентом», поскольку прибыл из Кипра и таким образом, находился вне российской территории, Суд подчёркивает, что понятие «проживания» в определённом государстве шире понятия «физического нахождения» на территории страны. Как утверждается в параграфе 9 Объяснительного отчёта, слово «резидент» используется для исключения тех иностранцев, которые не были допущены на территорию или были допущены только по причинам, несвязанным с проживанием (см. параграф 48 выше). Такие исключения – очевидно неприменимы для кого-то, кто как Заявитель, постоянно проживал в стране на протяжении многих лет. Суду не кажется достоверным, что после того, как он был допущен на территорию для проживания и установил его или её проживание в данном государстве, лицо перестанет быть «резидентом» каждый раз, когда он или он будет ехать за границу, вне зависимости от длительности поездки. Понятие «проживания» - основополагающе для определения понятие «дом», развитое в ст. 8 Конвенции, оба эти понятия не ограничены физическим нахождением, а зависят от существования достаточных и длительных связей с определённым местом (см., *mutatis mutandis*, *Prokopovich v. Russia*, no. 58255/00, § 36, ECHR 2004-XI, and *Gillow v. the United Kingdom*, 24 November 1986, § 46, Series A no. 109). В данном деле Заявитель продолжительно проживал в России с 1994 г. и не установил своего проживания где-либо ещё. Его нахождение за границей было краткосрочным и, по возвращении, он рассчитывал продолжить проживать в Росси. Всё это является ещё более очевидным в свете того факта, что его маленький сын К. Остался на российской земле. Соответственно Суд нашёл, что Заявитель был «резидентом» России на тот момент.

111. Во-вторых, поскольку вторым аргументом Правительства была незаконная природа его проживания, Суд отмечает, что в противоположность Заявителям в вышеупомянутом деле *Voulfouvitch and Oulianova*, которые прибыли по дневным транзитным визам, не являясь резидентами Швеции, и не имея легитимных оснований ожидать, что им позволят остаться после того, как в их ходатайствах об убежище будет отказано, Заявитель в нынешнем деле является законным резидентом России более семи лет, и в рассматриваемое время имел годовую визу со возможностями многократного въезда, действительную до 19 июня 2002. Правительство не объяснило, почему оно считает, что виза Заявителя не была действительной в то время, когда он пытался вернуться в Россию. Суд, со своей стороны, не получил какой-либо информации, подтверждающей это заявление. Виза, которой владел Заявитель, давала ему основания проживать в

России и место его проживания было зарегистрировано на основании этой визы (см. параграф

19 выше). Указа о депортации в отношении него или какого-либо решения, уменьшающего срок действия его визы, не было. В заключение, Правительство могло сослаться на эффект отмены визы Заявителя пограничным контролем утром 3 июня 2002 г. (см. параграф

23 выше), Суд считает, что это действие не могло лишить Заявителя его статуса «законного резидента» в предшествующий период. В то время как решение о выдворении само по себе лишало Заявителя защиты по ст. 1 Протокола No. 7, результатом чего стал тот факт, что её гарантии вообще не могли быть применены. Соответственно, Суд отвергает заявление Правительства о том, что проживание Заявителя было незаконным.

112. Третий элемент требовал у ст. 1 Протокола No. 7 применить понятие «выдворения» для иностранцев. Понятие «выдворения» является автономной концепцией, независимой от определения в национальном законодательстве (см. *Bolat v. Russia*, no. 14139/03, § 79, ECHR 2006-XI). За исключением экстрадиции, любая другая мера, способствующая отъезду иностранца с территории, где он законно проживал, является «выдворением» согласно ст. 1 Протокола No. 7 (там же; см. также параграф 10 Объяснительного отчёта, цитируемого в параграфе 50 выше). Суд не сомневается, что, принимая решение такого характера как запрет возвращения Заявителя на территорию России, за которым последовала его следующая поездка за границу, российские власти пытались предотвратить его повторный въезд в Россию и способствовать его определённого отъезду из Российской Федерации. Таким образом, можно считать, что Заявителя «выдворили».

113. В свете вышеуказанных соображений, Суд нашёл, что ст. 1 Протокола No. 7 в настоящем деле являлась применимой.

2. Соответствие ст. 1 Протокола No. 7

114. Суд подчёркивает, что Высокие присоединившиеся стороны имеют суверенное право решать вопросы выдворения иностранца, находящегося на их территории, но такое право должно осуществляться таким образом, чтобы не нарушать конвенционные права в отношении данного лица (см. *Bolat*, цитируемое выше § 81, и *Agee v. the United Kingdom*, no. 7729/76, Решение Комиссии от 17 декабря 1976, DR 7). Часть 1 этой статьи закрепляет, что лицо можно выдворить только «следуя решению, принятому в соответствии с законодательством» и выполнив определённые процедурные гарантии. Часть 2 позволяет властям реализовать решение о выдворении перед выполнением таких гарантий только, если такое выдворение

необходимо в интересах общественного порядка или национальной безопасности.

115. Правительство использовало исключение, закреплённое в параграфе 2 ст. 1 Протокола No. 7 для оправдания действий, предпринятых российскими властями против Заявителя. Однако, как постановил Суд выше, они не предоставили каких-либо материалов или доказательств, способных подтвердить, что были задеты интересы национальной безопасности и общественного порядка. Соответственно, исключение, установленное частью 2 не могло применяться в настоящем деле и обычная процедура, закреплённая в части 1 должна была соблюдаться. Что касается соответствия этой процедуре, Суд отмечает, что Правительство не предоставило ему объяснения, почему решение, принятое об исключении Заявителя, было сообщено ему более трёх месяцев спустя и почему ему не разрешили предоставить возражения против своего выдворения и отказали в пересмотре дела в присутствии адвоката. Соответственно, Заявителю не было предоставлено гарантий, закреплённых ст. 1 Протокола No. 7.

116. Таким образом, имело место нарушение ст. 1 Протокола No. 7.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 41 КОНВЕНЦИИ

117. Ст. 41 Конвенции закрепляет следующее:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

A. Ущерб

118. Заявитель требует возмещения 20,000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба, вызванного его выдворением и задержанием на ночь в аэропорту, дискриминационного обращения, которому он подвергался в связи с его религиозными убеждениями, исключения из места, которое было его домом на протяжении 8 лет и его вынужденного разделения с его малолетним сыном К.

119. Правительство указывает, что данные требования являются чрезмерными и необоснованными. Оно указывает, что в связи со своей профессией миссионеры часто меняют свое местожительство.

120. Суд принимает тот факт, что Заявителю были причинен нематериальный ущерб в виде стресса и расстройства из-за его отъезда из России, не обеспеченного какими-либо процедурными гарантиями, а также его длительным разделением со своим сыном К., и его

ночным заключением в аэропорту без каких-либо правовых оснований или возможности компенсации. В своей оценке Суд нашёл недостаточным исключительно признания нарушения Конвенции. Однако он находит сумму, требуемую Заявителем – чрезмерной. Сделав собственную оценку, Суд присуждает Заявителю 7,000 евро для компенсации нематериального ущерба, и компенсацию размера налогов, которые могут взиматься с этой суммы.

В. Затраты и расходы

121. Заявитель требует 810 евро для оплаты юридических услуг, которые он был должен выплатить г-ну Холинеру за подготовку ответа Правительству на его замечания. Он прилагает чек, написанный на бланке г-на Холинера.

122. Правительство ходатайствует о полном отказе в исковых требованиях.

123. На основании материалов, подготовленных ранее, Суд считает, что сумма гонорара за правовые услуги при подготовке ответа на наблюдения Заявителя является адекватной, и что Заявитель понёс данные расходы. Соответственно, Суд присуждает Заявителю выплату полной суммы расходов, понесённых им, а также какие-либо налогов, которые могут быть на них начислены.

С. Пени за несвоевременную выплату

124. Суд считает, что пеня за несвоевременную выплату должна основываться на граничной ставке кредитования Европейского центрального банка, к которой должны быть прибавлены три процента.

НА ОСНОВАНИИ ЭТИХ ПРИЧИН, СУД

1. *Постановил шестью голосами* против одного, что имело место нарушение ст. 38 § 1 (а) Конвенции в том, что Правительство отказалось предоставить документы, запрошенные Судом;
2. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение ст. 9 Конвенции;
3. *Постановил* единогласно, что нет необходимости исследовать жалобу по ст. 14 Конвенции, рассматриваемой совместно со ст. 9;

4. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение ст. 8 Конвенции в отношении Заявителя и его сына;
5. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение ст. 5 § 1 Конвенции;
6. *Постановил* единогласно, что нет необходимости исследовать жалобу по ст. 5 § 4 Конвенции;
7. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение ст. 5 § 5 Конвенции;
8. *Постановил* шестью голосами против одного, что имело место нарушение ст. 1 Протокола No. 7 Конвенции;
9. *Единогласно постановил*
  - (a) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течении трёх месяцев, следующие суммы:
    - (i) 7,000 евро (семь тысяч евро), плюс какие-либо налоги, которые могут быть на них начислены в качестве компенсации за нематериальный ущерб;
    - (ii) 810 евро (восемьсот десять евро), плюс какие-либо налоги, которые могут начислить Заявителю в отношении этих расходов;
  - (b) что по истечении вышеуказанных трех месяцев и до момента расчета простой процент должен выплачиваться на вышеуказанные суммы по ставке равной граничной ставке кредитования Европейского центрального банка в течение периода неуплаты плюс три процента.
10. *Единогласно* отклонил иски о удовлетворении требований в натуре.

Совершено на английском языке, с письменным уведомлением 12 февраля 2009 г., согласно ст. 77 §§ 2 и 3 Правил Суда.

Сёрен Нильсен
Секретарь секции

Кристос Розакис
Президент

В соответствии со ст. 45 § 2 Конвенции и Правил 74 § 2 Правил Суда, частично несогласное мнение судьи Ковлера прилагается к данному решению.

K.P. C.H.